

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВЛАСТИ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО

В.И. Игнатьев

Новосибирский государственный
технический университет

ighnatiev.v@inbox.ru

Е.В. Игнатьева

Санкт-Петербургский
государственный университет

elena.ignatjeva@gmail.com

Статья посвящена анализу философских основ одного из малоизученных направлений отечественной общественной мысли – посткропоткинскому этапу развития идей анархизма. Авторы стремятся показать, что анархистское социальное учение развивалось в критике своего основного оппонента, представленного теорией и практикой «реального социализма» в Советском Союзе. В качестве доказательства обновления основных положений анархистской социальной доктрины проводится анализ философских основ взглядов А.А. Борового как типичного представителя анархистских мыслителей, оказавшихся в первой трети XX века изгнанными из России, но продолжавшими внимательно следить за событиями, происходящими на их Родине. В статье выявлены основания синтетического подхода А.А.Борового к интерпретации социальной сущности человека, вскрываются основные положения его психологической теории власти, устанавливается связь теоретических положений мыслителя с традициями, заложенными в западно-европейской философии. Авторы обращают внимание на еще недооцененную аналитиками приоритетную значимость именно социально-психологической интерпретации как самого феномена власти, так и парадоксальных вариантов альянса личности и общества, народа и государства.

Ключевые слова: анархизм, синтетическая методология, личность, государство, психология власти, идея власти, постклассический анархизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-34-43

Анархическая идея первой трети XX века по сей день остается малоисследованным фрагментом российской политической мысли. Может даже сложиться впечатление, что либертарианская мысль в России обрывается на Кропоткине. Тем не менее те немногочисленные исследования по этой теме, которые все же были написаны, убеждают нас в обратном: анархизм после Кропоткина су-

ществовал. Более того, новое поколение либертарианских мыслителей запустило следующий виток анархистской идеи: существовавшие до того времени концепции анархизма пересматривались и перекраивались, анализировалось становление тоталитарных режимов (которое теперь анархисты могли очевидно наблюдать), по-новому были рассмотрены проблемы власти и неравенства.

Однако развитие «посткропоткинского» анархизма было насильственно прервано советской властью: издательства и журналы закрывались, ораторы и мыслители становились жертвами политических преследований и арестов. Сегодня, спустя более двух десятков лет после окончательного крушения советской действительности, постклассический анархизм все еще не занял своего места в истории российской философии, а большая часть трудов даже самых ярчайших его представителей все еще является достоянием исключительно архивных полок [5].

Таким образом, необходимость исследования посткропоткинского анархизма представляется нам очевидной. Но, взявшись за эту задачу, можно столкнуться с некоторыми сложностями, так как предмет исследования является весьма обширным. В первую очередь ввиду малой изученности, а также по причине своей специфики: анархизм как учение стремится к «неидеологичности», то есть он разнообразен, пластичен и разносторонен, а поэтому попытки его классификации часто превращаются в простое навешивание ярлыков. Изучая анархизм, в нем необычайно легко «запутать».

Поэтому в предлагаемой статье мы обратимся к теоретическому наследию лишь одного из наиболее выдающихся представителей плеяды анархистских мыслителей первой трети XX века – Алексею Алексеевичу Боровому (1875–1935) и сконцентрируем внимание на важнейшем предмете его размышлений – психологической теории власти.

Наша цель – выявить «интеллектуальный контекст», в котором возникла психологическая теория власти А.А. Борового, и осуществить аналитическое прочтение эссе

«Власть», в котором он излагает основные постулаты своей теории. Да и была ли она собственно психологической?

Истоки синтетического подхода к пониманию природы власти

«Кто такой Алексей Боровой? Ответить можно долго и обстоятельно. Ученый-энциклопедист: экономист (автор “Популярного курса политической экономии” и множества статей на экономические темы), юрист и историк (его фундаментальная диссертация о Великой французской революции “История личной свободы во Франции” в двух частях заслужила похвалы таких корифеев, как М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев), социолог, психолог, публицист; одаренный музыкант, приват-доцент, а потом и профессор Московского университета и (судя по отчетам Охранного отделения) “любимец московского студенчества, изгонявшийся из университета за свои взгляды как при царском, так и при большевистском самодержавии”», – пишет Петр Рябов, один из немногих современных исследователей постклассического анархизма [4]. Однако, в первую очередь А. Боровой – все же философ, обладающий широкой эрудицией и оригинальным мышлением. Как формировалось философское мировоззрение Борового? «Боровой, переживший период бурного увлечения марксизмом в 1896–1902 годах, также был вовлечен в движение “от Маркса к Канту” на грани веков; будучи студентом, а затем приват-доцентом юридического факультета, он наблюдал триумфальное шествие неокантианства в Московском университете 1890–1910-х годов», – рассказывает Рябов уже в другой своей работе [5]. Однако ни марксистом, ни неокантианцем Боровой не стал. В период своей первой поездки во Фран-

цию (1903–1905) он осознал себя анархистом, тогда же посетил лекцию А. Бергсона, философия которого впоследствии оказала значительное влияние на мысль самого Борового. Тем не менее его нельзя назвать «бергсоном в чистом виде», так как увлеченный одними идеями Бергсона, Боровой вместе с тем категорически отрицал другие. «Романтику Боровому была близка бергсоновская ориентация философствования скорее на искусство, музыку и поэзию, чем на сциентистские образцы. Для Борового, как и для Бергсона, жизнь, творчество и личность взаимно коррелируются и проявляются друг через друга. Личность – центр мироздания, неделимая на части сущность, действительнейшая действительность, – раскрывается в творчестве. <...> Однако, если философия Бергсона была пронизана слегка завуалированным мистицизмом и спиритуализмом (прямо апеллируя к неоплатоническому «экстазу» и христианскому мистицизму), то Боровой на уровне деклараций был материалистом и категорически отрицал религию как объективацию, догму, фетишистски-авторитарное мышление, не принимал язык религиозных символов и культов» [6]. А. Боровой, вслед за Ж. Сорелем, стремился к синтезу бергсоновской интуитивной философии с идеями анархо-синдикализма, которые также оказали немаловажное влияние на мировоззрение постклассического анархиста.

Такой подход (синтез различных учений, симпатия к разного рода течениям лишь «отчасти», при сохранении критического к ним отношения) становится характерным для Борового. Так, в 1906 году, вернувшись из заграничной поездки, он читает в московском Историческом музее лекцию «Общественные идеалы современного че-

ловечества. Либерализм. Социализм. Анархизм», в которой, отмечая достойные стороны всех трех течений, вместе с тем остро их критикует. Примечательно, что в этой лекции Боровой уже предвещает диктаторский характер будущего социалистического общества и, кроме того, намечает основные вехи своей будущей критики предшествующей ему анархистской идеи [3].

Рассматривая в целом философские основания оригинальной теории Борового, можно прийти к заключению, что на нее оказал значительное влияние и интуитивизм Бергсона, и сорелевский синтез бергсонизма с анархо-синдикализмом. Для нее также было характерно возвращение к философии жизни Бакунина – и критика идеализации «всякой коммуны» Кропоткина; полемика против «экономического материализма» марксистов – и развитие экзистенциальных идей Достоевского [4].

После упрочения своего политического положения партия большевиков начинает активную «охоту» на анархистов, желая обезопасить себя от любой оппозиционной угрозы. В 1929 году очередь доходит и до Алексея Борового – его отправляют в ссылку в Вятку (отметим, что Боровой никогда не участвовал в каком-либо терроре или восстании, так что единственным его преступлением были колкие статьи и блистательные публичные лекции). Уже находясь в ссылке, Боровой пишет текст «Власть», завораживающий сочетанием горького разочарования в действительности и вместе с этим отважной веры в свободу и человека, а главное – стремлением во что бы то ни стало пробудить эту веру и в читателе. К сожалению, эта работа стала доступна для знакомства в нашей стране лишь недавно и не смогла отвоевать пространство широкого дискурса, вероятно,

и по причине неоднозначного и настороженного отношения к тематике анархизма вообще. Аналитических работ по философии анархизма крайне мало, и все же в некоторых из них авторы обращают особое внимание на творчество А.А. Борового.

Так, в исследовании С.Ф. Ударцева «Политическая и правовая теория анархизма в России» в разделе о постклассическом анархизме психологической теории власти отведена отдельная глава [7]. В ней автор отмечает, что анализ проблемы власти с точки зрения психологии является одной из характерных черт анархической идеи после 1917 года. И это не должно удивлять – ведь вполне естественно, что, наблюдая и переживая две революции, за ними – безжалостную гражданскую войну, а после всего этого – установление новой диктатуры, анархисты стали искать объяснение произошедшей катастрофы. Теперь истоки власти уже не виделись только в социальных проблемах и не объяснялись случайным поворотом обществ в непредсказуемом и нежелательном направлении. Постклассические анархисты задались вопросом: не скрывается ли самая главная не-свобода в головах народных масс?

К тексту «Власть» С.Ф. Ударцев дает ряд комментариев. Однако, некоторые из них выглядят спорными. Приведем пример: «Суть анархизма, согласно его [Борового] теории, – коррекция общественного сознания и изменение с его помощью некоторых форм власти, общественного устройства» [7]. Представляется, что формулировка «суть анархизма – коррекция общественного сознания» звучит излишне категорично: ведь коррекцией общественного сознания в то время предпочитала заниматься именно правящая партия. Вообще, в работе Ударцева можно обнаружить немало

мест, в которых он пытается либо сблизить и даже отождествить идеи анархизма с государственной идеологией советского строя, либо – раскритиковать анархизм с позиции советской социальной доктрины, что делает позицию автора несколько пристрастной. Тем не менее нельзя отказать Ударцеву в том, что его достаточно обширный труд содержит значительное количество фактов и цитат из первоисточников, которые могут быть полезны для продолжения исследования по данной теме.

Загадка власти

Немаловажную роль в эссе А. Борового «Власть» играет тема взаимоотношений личности и общества, индивидуального и коллективного. Подробнее свои идеи на эту тему Боровой раскрывает в книге «Личность и общество в анархистском мировоззрении» [2], написанной им еще в 1920 году. В ней он упоминает множество других авторов, с которыми либо вступает в полемику, либо отмечает их как идейных союзников. Именно на эти упоминания мы будем опираться, «вписывая» психологическую теорию власти Борового в «интеллектуальный контекст».

В начале эссе Боровой приводит несколько историй, объединенных общим мотивом: герои испытывают «животный трепет перед божеством власти», не имея на это никаких рациональных причин. Причем, как видно из их содержания, этому чувству в одинаковой степени подвержены как «темные», так и образованные люди, способные «до конца проследить логический ход своих мыслей, до конца проанализировать свои душевные состояния» [1]. Целью своей работы автор ставит исследовать загадочную сущность власти в свете анархического мировоззрения.

Философ начинает с разделения власти на несколько видов. Первый (власть в широком смысле): «стихийное, неосознаваемое гипостазирование отвлеченных представлений, психических настроений, бессознательно сложившихся отношений...», создаваемое переплетением воли отдельных личностей и воплощающееся во власти религии, моды, морали, прошлого и т. п. Власть в широком смысле – это всегда власть некой абстракции. Боровой далее называет власть абстракций «господством законов природы». Наличие подчиняющих индивидуальность абстракций, по Боровому, – следствие самой природы человека. Этот вывод, вероятно, он делает исходя из идеи, общей для Л. Штейна, А. Шопенгауэра, Дж. Локка: человек отличается от животных в главной степени своей способностью к созданию абстрактных понятий, т. е. мышлением [2, с. 13–16].

Второй вид власти (власть в узком смысле) – это особый вид отношений между людьми, отношения господства и подчинения. Автор подчеркивает, что в этом случае власть всегда осознается обоими участниками процесса, для такой власти необходимы обоюдные чувства господства и подчинения. В свою очередь, эта «власть в узком смысле» делится на два типа:

– господствующий пользуется атрибутами власти, присвоенными ему какой-либо общественной организацией;

– «властеотношения» личного характера (любовь, дружба).

Второй тип автор оставляет в покое, просто замечая, что его причиной являются «подсознательные движения и инстинкты» (здесь стоит упомянуть, что, будучи в заграничной поездке, он имел встречу с З. Фрейдом).

С первым же типом обычно сражается анархизм. Боровой еще раз делает акцент на том, что подобные «властеотношения» всегда осознаются обеими сторонами. Философ замечает, что исследователи, которые отрицают сей факт (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий), приходят к этому потому, что не различают власти абстракций и власти конкретных господ. По Боровому, такое смешение недопустимо, так как оно уравнивает «господство законов природы с господством законов, установленных людьми».

В свете вышесказанного становятся совершенно непонятны основания, на которых Ударцев связывает идеи Борового, например, с концепцией Н. Коркунова, несколькими абзацами ниже (уже в другом контексте) упоминая, что, по Коркунову, «существенно важно субъективное сознание своей зависимости у подвластного, нередко независимое от желания и даже существования этого властвующего» [7].

«Чувство зависимости одной “реальности” (человека) от другой и есть содержание явления “власти”» – настаивает Боровой [1, с. 174]. В работе об отношениях личности и общества он постулировал: «В анархистском мировоззрении – только личность есть подлинная самоочевидная реальность» [2, с. 19]. Эта мысль напрямую вытекает из способности человека создавать отвлеченные понятия, о чем говорилось выше: если право, власть и т. д. – абстракции, создаваемые мышлением личности, значит личность является подлинной реальностью, в бесконечном потоке творчества создающая все новые и новые фетиши, разрушающая их и затем заменяющая на другие. Общество же – это общение личностей, а поскольку целью общения всегда является личность, значит, общество

(и так постулирует анархистское мировоззрение) должно представлять собой совокупность равно уважаемых целей.

Такой взгляд противоположен концепции об «атомистическом строении общества», которая, по словам Борового, была свойственна раннему либерализму [2, с. 19–20]. «Вся предшествующая социологическая наука постоянно погрешала тем, что в своих исследованиях – даже в пределах, разрешимых ее специальной методологией, – чрезмерно игнорировала личность как фактор социологический. Для нее личность всегда оставалась лишь служебным органом, объектом, единицей, над которой стихийному началу общественности разрешалось производить любые операции вплоть до приравнивания её нулю. Между тем личность есть кардинальная проблема, отправной пункт всякого социологического исследования», – пишет Боровой во «Власти» и заключает: «Это не социология, а плохая арифметика» [1, с. 174]. Этим своим тезисом автор бросает вызов и Дюркгейму с его «коллективом-существом нового типа», имеющим свое собственное бытие, и гегелевскому «мировому абсолютному духу», и Руссо с его теорией общественного договора, и, конечно же, Марксу с его коллективизмом. В союзниках же у Борового оказывается Фейербах, отрицающий общие понятия и признающий истинным единичное, конкретное. Влияние Фейербаха на идеи автора – очевидно. «Общественность – производная личности, реальная только личность», – по-бунтарски декларирует Боровой [2].

Возводя личность на пьедестал, он вступает в дискуссию и с пантеистическим учением, приверженцем которого был Дж. Бруно. Анархизм Борового не может рассматривать человека как «подробность

мироздания», для него человек – созидающий центр мироздания. Этой же концепции придерживались упоминаемые им в других произведениях Пико дела Мирандола и Николай Страхов.

Продвигаясь к объяснению сущности чувства трепета перед властителем, Боровой замечает, что «общественная власть так же стара, как и общество» и что даже в самых ранних обществах знали, что такое авторитет и подчинение. Это замечание философа явно направлено в адрес Кропоткина. Алексей Боровой критиковал своего анархического предшественника за идеализацию догосударственных форм. Боровой, живя в условиях новой диктатуры, убежден, что угнетение не могло бы внезапно появиться в по-настоящему свободном обществе. М. Цовма в работе о Боровом и Кропоткине приводит такую цитату из архивов Борового: «...в отдельных догосударственных формах мы найдем ту же способность убивать свободную личность и свободное творчество, как и в современном государстве. И конечно – у государства, играющего в изложении Кропоткина роль гробовщика свободного общества, были причины появления более глубокие, чем рисует Кропоткин. Общество истинно свободных людей не может породить рабства, истинно свободная коммуна не привела бы к рабовладельческому государству» [8].

Каким же образом властеотношения так прочно закрепились в истории человечества? Боровой объясняет, что с самого начала отношения господства и подчинения были выгодны *обеим сторонам*. Поэтому, если вождь не может удовлетворить хотя бы базовые потребности своих подчиненных, происходит переворот, революция. Таким образом, идея того, что власть необходима, закрепились в человеческом сознании

с опытом поколений. «Каждый человек как член определенной общественной организации уже фактом своего рождения и необходимости дальнейшего симбиоза автоматически приобщается к огромному фонду накопленных предшествующими поколениями опыта, навыков, верований, утверждений, воспитывающих его характер, защищающих его интересы, направляющих его волю» [1, с. 175]. Идея родовой памяти, которую использует автор, принадлежит его современнику и хорошему знакомому – философу С. Трубецкому. Из нее следует, что не только индивидуальность создает общество, но и общество влияет на индивидуальность. Но все же, по Трубецкому (и Боровой был с этим согласен), влияние это не необратимо: «Личность может и должна вносить собою нечто безусловное – свою свободу», – писал Трубецкой [2].

Далее Боровой вплотную подходит к объяснению сущности власти. Трепет перед властью – это коллективное самовнушение. Идея власти – абстракция, порожденная мышлением личности и закрепленная коллективной памятью. Как часто после восстания против власти эта абстракция возвращается в новом облици! (Сокрушаясь об этом, философ, конечно, не мог не рефлексировать горький опыт русских революций.)

Поэтому бороться, по Боровому, нужно не с конкретной властью, а с *абстрактной идеей власти*. В конце концов, «нет разумных оснований для капитуляции человека перед силой, им же созданной» [1, с. 176]. Эта победа может произойти тогда, когда сила творчества индивидуальности превысит силу родовой памяти.

Автор убежден, что с развитием общества роль индивидуальности становится все значимее. Того же мнения, как со-

общает он в книге об отношениях личности и общества, придерживался и Фихте, говоря о «вечном прогрессе человеческой культуры».

Таким образом, путь к безвластию не лежит для представителя неоанархизма в изменении человеческой природы или в «коррекции анархизмом общественного сознания». Когда индивидуальность станет достаточно сильна, коллективное самовнушение разрушится самостоятельно. Так что все это – «поправка на прогресс и только».

Значит ли это, что после разрушения абстракции власти человечество придет к идеальному обществу? По Боровому – и это одна из самых важных для него идей – нет. Индивидуальность никогда не может быть полностью удовлетворена, она всегда будет вступать в сражение с общественным порядком, каким бы он ни являлся. Поэтому анархизм для Борового – это не конечный идеал, это – бесконечный путь борьбы, творческого разрушения и создания. Здесь он говорит в унисон с Бакуниным и Стивенсоном, вдохновляясь идеями философов-плюралистов, для которых мир является пластичным и незавершенным.

После знакомства с текстом «Власть» сложно не поразиться обилию заключенных в нем идей и негласных отсылок к мыслителям разных эпох и направлений. Также нельзя не отметить оригинальность, с которой Боровой использует различные концепции в контексте анархического мировоззрения.

Чувство трепета перед властью, по Боровому, – это «коллективное самовнушение». Самовнушение – потому что абстрактные идеи может творить только личность с помощью мышления, а коллективное – потому что сотворенные нашими

предками «абстракции» нередко обрушиваются на нас чуть ли не с самого рождения, закрепляясь в культуре и истории. Но, на наш взгляд, есть альтернатива – коллективное как сотворчество индивидуальностей, основанное на глубинных интенциях личностей общаться и сопереживать, и через общения творить свой коллективный Мир, свои формы организации жизни как малые социальные Миры. Это есть солидарность через сопереживание общего Дела, не навязанного извне «абстракцией власти», чуждой всем и каждому в отдельности. Такая солидарность вырастает естественным – органичным – образом и только так она может противостоять и силе внутренней – «коллективному самовнушению». Заметим, что в современном мире, особенно в России, критически не хватает «малых дел» и малых социальных форм обустройства жизни усилиями солидарных сообществ, живущих в локальных пространствах. «Малое внутри большего – это прекрасно!» – когда-то воскликнул Э. Тоффлер [9, с. 423–426]. Добавим: малое есть результат раскрепощенной эмерджентности свободно образованных ассоциаций, выбирающих путь органичного развития [10, 11]. Вероятно, принцип органичного развития, основанный на самоорганизации сообществ, мог бы способствовать решению многих социальных проблем, например, резко обострившегося кризиса локальных и региональных идентичностей, и снятию глубинных причин затяжных конфликтов. В этой связи представляется перспективным продолжить сближение теории органичного способа развития разномасштабных ассоциаций с рядом фундаментальных положений общественной теории анархизма, прежде всего с принципом самоорганизации.

Литература

1. Боровой А.А. Власть // Анархия и власть. – М.: Наука, 1992. – С. 174.
2. Боровой А.А. Личность и общество в анархистском мировоззрении [Электронный ресурс]. – СПб.; М.: Голос труда, 1920. – 87 с. – URL: <http://www.a-read.narod.ru/borovoilichnost.pdf> (дата обращения: 04.02.2015).
3. Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества: Либерализм, социализм, анархизм. – М.: Книгоиздательство «Идея», 1906. – С. 65.
4. Рябов П.В. Романтический анархизм Алексея Борового [Электронный ресурс]. – URL: http://iphras.ru/uplfile/histph/yearbook/2011/hphy-2011_ryabov.pdf/ (дата обращения: 12.01.2015).
5. Рябов П.В. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А.А. Борового // Кантовский сборник. – 2010. – № 4. – С. 97–103.
6. Рябов П.В. Философия постклассического российского анархизма – *terra incognita* // Преподаватель. XXI век. – 2009. – № 3. – С. 83–97.
7. Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. – М.: Форум-М, 1994. – 310 с.
8. Цовма М.А. Алексей Боровой и Петр Кропоткин // Труды Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 3. – М., 2001. – С. 202–214.
9. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
10. Игнатьев В.И., Камф Е.В., Крейк А.И. Институциональные регуляторы органичной модернизации: виртуальные практики и социальная реальность // Идея и идеалы. – 2011. – № 4(10) т. 1. – С. 145–152.
11. Игнатьев В.И., Крейк А.И., Камф Е.В. Синергия – актуальный ресурс органичной модернизации // Идея и идеалы. – 2013. – № 1 (15), т. 1. – С. 115–122.

ALEXEY BOROVOY'S PSYCHOLOGICAL THEORY OF POWER

V.I. Ignatyev

Novosibirsk State Technical University
ighnatiev.v@inbox.ru

E.V. Ignatyeva

Saint-Petersburg State University
elena.ignatjeva@gmail.com

The article is devoted to the analysis of philosophical foundations of one of the least known areas of national social thought – post-kropotkin stage in the development of the ideas of anarchism. The authors seek to show that the anarchist social doctrine was developing by criticizing its main opponent represented by the theory and practice of “real socialism” in the Soviet Union. To argue the renewal of the main statements of the anarchist social doctrine, the authors analyse the philosophical foundations of the views of A. A. Borovoy as a typical representative of anarchist thinkers in the first third of the 20th century, expatriated from Russia, but nevertheless tracking the events in their homeland. The foundations of Borovoy synthetic approach to the interpretation of the social entity of a man are identified in the article as well as the statements of his psychological theory of power are revealed, and the connection between him as a theoretical thinker and the traditions of the Western European philosophy is established. The authors draw attention to the still underestimated by analysts, priority given to the socio-psychological interpretation of the phenomenon of power as well as paradoxical options of an alliance of an individual and society, the people and the state.

Keywords: anarchism, synthetic methodology, personality, the state, psychology of power, the idea of power, postclassical anarchism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-34-43

References

1. Borovoy A.A. *Wlast // Anarchija I Wlast* [Power // Anarchi and Power]. Moskow: Nauka Publ., 1992, pp. 174.
2. Borovoy A.A. *Lichnost I obshestvo v anarhist-skoy mirivozrenii* [Personality and society in anarchist world view]. Sankt-Petersburg; Moskow: Golos truda, 1920. 87 p. URL: <http://www.a-read.narod.ru/borovoilichnost.pdf> (data obrasheniya: 04.02.2015).
3. Borovoy A.A. *Obshechnenie ideali sovremennogo chelovechestva: Liberalism, socialism, anarchism*. [The social ideals of modern anarchism: Liberalism, socialism, anarchism]. Moskow: Books publ. “Ideia”, 1906, pp. 65.
4. Ryabov P.V. *Romantichesky anarchizm Alekseja Borovogo* [Romantic anarchism by Alexey Borovoy]. URL: http://iphras.ru/uplfile/histph/yearbook/2011/hphy-2011_ryabov.pdf/ (Data obrasheniya: 12.01.2015).
5. Ryabov P.V. *Rossiiskoe kantianstvo I neokantianstvo nachala XX veka v neopublikovannih memuarah A.A. Borovogo* [Russian kantianst beginning XX age in memoirs by A.A.Borovoy] // *Kantovskiy sbornik*. 2010. № 4, pp. 97–103.
6. Ryabov P.V. *Filosofiya postklassicheskogo rossiiskogo anarhizma – terra inkognita* // [Philosophy of postclassic Russian anarchism – terra incognita]. *Prepodavatel XXI vek* 2009. № 3, pp. 83–97.
7. Udarzev S.F. *Politicheskaya i pravovaya teorija anarchizma v Rossii* [Politich and legal theory of anarchism]. Moskow, Forum-M, 1994. 310 p.
8. Zovma M.A. *“Aleksей Borovoi i Petr Kropotkin”* [Alexey Borovoy and Peter Kropotkin] // Tru-

di mezdunarodnoi nauchnoi konferenzii, posvjash-
ennoi 150-letiu so dnia rozdenia P.A.Kropotkina.
Vipusk 3. Moscow, 2011, pp. 202–214.

9. Toffler A. *Tretia volna* [The third wave].-
Moscow, 1999. 784 p.

10. Ignatyev V.I., Komf E.V., Kreyk A.I.
*Instituzionalnie reguljatori organichnoi modernizacii:
virtualnie praktiki i sozjalnaja realnost* [Institutional

regulators of organic modernization: virtual
practices and social reality]. *Idei & ideally*.
Novosibirsk, 2011, no. 4(10). Vol. 1, pp. 145–152.

11. Ignatyev V.I., Kreyk A.I., Komf E.V.
Sinergia – aktualni resurs organichnoi modernizacii
[Synergy is the actual resource of organic
modernization]. *Idei & ideally*. Novosibirsk, 2013,
no. 1(15). Vol. 1, pp. 115–122.